

СОДЕРЖАНИЕ

ГВАРДЕЕЦ.....	5
ДОРОГИ ЕВРОПЫ.....	263
ПРОЩАЙ, ГВАРДИЯ!.....	533

Гвардеец

Светлой памяти моего отца, кадрового офицера российской армии посвящается!

Царствие Небесное тебе, папа!

Автор выражает свою благодарность *всем посетителям* журнала «Самиздат» Максима Мошкова, тем, кто принял самое горячее обсуждение на форуме «В вихре времён» и на «Военно-Историческом форуме».

И особенно: замечательному писателю *Алексею Волкову*, всезнающему *Василию Анисимову*, многомудрому и отзывчивому *Константину Козюренку*!

Глава 1

Денёк сегодня выдался погожим — солнышко, на небе ни облачка. Эх, сейчас бы искупаться в реке, а потом валяться на пляже, поджариваясь как курица в гриле. И ме-е-едленно-ме-е-едленно переворачиваться...

Дзи-и-инь...

Я снял трубку телефона и произнёс заученную фразу:

— Отдел продаж, слушаю...

— Гусаров, ты?

— Я, Сан Саныч. — Низкий баритон шефа я бы узнал из тысячи.

Правда, в обычно вежливых его интонациях проскальзывало плохо завуалированное недовольство. Что-то мне это уже не нравится. И тучи откуда-то на горизонте нарисовались, закрыв сплошной завесой солнце. Ой, не к добру.

— Поднимись ко мне.

В его устах это звучало как классическое «Сидоров, с вещами на выход».

Я отклеился от стула, машинально поправил взъерошенные волосы (дурацкая привычка запускать пятерню в причёску) и пошёл к дверям, ощущая спиной сочувственный взгляд Мишки Каплина, сослуживца, с которым уже второй год делю помещение размером два на четыре метра, носящее гордое название «Отдел продаж».

Секретарша Ирочка набирала что-то на компьютере с такой скоростью, что любой пулемёт бы от зависти перегрелся.

— Как шеф? — спросил я, склоняясь над ней.

— Как с цепи сорвался, — сообщила, не отрываясь от монитора, Ирочка. — Рвёт и мечет. Сперва рвал Симонова из планового, теперь тебя будет.

— Спасибо, Ира. Умеешь поднять настроение.

— Всегда пожалуйста, — равнодушно ответила девушка.

Раньше она была не такой. Зря я её, как говаривал Мишка — «поматросил и бросил». Хотя, с другой стороны, ещё разобраться надо, кто с кем и чем занимался. И не уверен я как-то, что это я с ней порвал, а не она умело подвела отношения к такому дурацкому финишу.

— Сан Саныч, вызывали?

— Вызывал, Гусаров. Проходи, садись.

Александр Александрович Воскобойников, директор и вообще, по словам уборщицы Ньюши — «видный мужчина», — восседал за письменным столом с видом стервятника, выбирающего, чем бы поживиться.

Я сел в кожаное кресло напротив, изобразив полную заинтересованность и готовность сорваться с места по первой же команде.

— Что это такое, знаешь? — Шеф потряс перед моим носом коричневой папочкой, сквозь которую просвечивали листы бумаги.

— Знаю, Сан Саныч, — кивнул я. — Проекты договоров. Я сам составил их на прошлой неделе и принёс вам на рассмотрение. К ним и записка сопроводительная прилагалась. Гарантированная прибыль от сделки — тридцать, а то и сорок процентов. Я всё просчитал.

— Нет, Гусаров. Не всё ты просчитал, — устало вздохнул шеф. — Ты занимался арифметикой, а тут алгебра нужна, дифференциальные уравнения, синус с косинусом и параллельные прямые, пересекающиеся в несобственной точке.

— Сан Саныч, мне бы по-русски...

— По-русски... — Шеф хрустнул пальцами. — По-русски покрыть бы тебя матами в три слоя надо, но тебя ж не проймёт, ты ведь у нас не слюнтяй-интеллигент, спортом занимаешься. — Он окинул мою тренированную фигуру взглядом, не предвещающим ничего хорошего, и неожиданно спросил: — У тебя какой рост?

— Метр девяносто, — опешив, произнёс я.

— Вот видишь. Метр девяносто, вымахал оглоблей, а ума как у дитя малого. Ты пословицу такую слышал: «не лезь поперёд бабки в пекло»?

Я кивнул.

— Ну так не лезь не в своё дело, Гусаров. Это я тебе как начальник говорю, а как человек добавлю, что бабки в нашей кон-

торе платят за то, чтобы вы, сотрудники, делали только то, что сказано. Инициатива у нас наказуема, причём не исполнением, а штрафами. Ты ведь целую ораву в лучшем ресторане кормил, поил, уговаривал. Так?

— Было дело.

— Всё за свои денежки, разумеется.

— Конечно, Сан Саныч.

— Думал: заключу договорчики, комиссионные заимею.

— Как же без этого...

— А так. Не нужны нам эти договора, пускай даже с сорокапроцентной прибылью. Не будет никаких комиссионных. Я ведь предупреждал. Ты чем, кроме партизанщины, занимался?

— Э... с «Инвест-сервисом» работал.

— Вот и работай с ними дальше. Закончишь — приходи, скажу, что ещё делать надо. Премии лишать тебя, Гусаров, на первый раз не буду. Ты и так себя наказал счетами из ресторанов. Можешь идти.

Я развернулся и грустно поплёлся к выходу, однако голос шефа развернул меня на сто восемьдесят градусов.

— Подожди, Гусаров. Это от меня, в качестве компенсации, — Сан Саныч протянул белый конвертик. — Хороший ты парень.

— Спасибо, — я взял конверт и вышел из кабинета.

М-да, не ожидал от шефа такой чуткости. Не удержался, вскрыл конвертик на выходе, с умилением посмотрел на зелёные бумажки. Триста американских рублей. Вовремя, стоит заметить. От зарплаты остались рожки да ножки, еле-еле на хлеб и бензин хватает.

Ирочка выглядела недовольной, на ее лице там и сям образовались хмурые складочки и морщинки, превращая её в молодую старушку.

— Что-то ты подозрительно легко отделался, Гоша. Быстро тебя шеф выгнал, да и крика не слышно было, — «доброжелательно» сказала она.

Я понял, как можно прищучить Ирочку, и не стал терять времени впустую:

— А зачем нам с Сан Санычем кричать? Наши дела тихо делаются. Хочет меня заместителем по кадрам поставить, просил, чтобы я ему секретаршу новую подыскал. Недоволен он тобой, Ира. Распустил, говорит.

И, оставив озадаченную Ирину открывать и закрывать рот, спустился к себе.

Мишка Каплин успел к моему приходу нагреть чайник.

— Чай, кофе, потанцуем?

— Потанцуем, — грустно сказал я. — Камаринского или гопака. Тебе что больше нравится?

— Хава нагила. Чего случилось-то, Игорь? — с сочувствием спросил Мишка.

Мне всегда нравился этот длинный нескладный мужик с умными понимающими серыми глазами, высоким лбом мудреца и крючковатым носом. Его семья в полном составе укатила в Израиль в начале девяностых, когда казалось, что бывшему Союзу пришёл окончательный и безоговорочный трындец. Но Мишка остался. Из упрямства или чего другого — не знаю, он не любит разговаривать на эту тему. И только за это я готов его уважать всю жизнь — хотя родственнички каждый месяц заваливают Каплина письмами, в которых рассказывают о том, как хорошо устроились на земле обетованной, и намекают, что не мешало бы ему последовать их примеру.

— Шеф политику партии обрисовал. Пояснил, что с нашим рылом в калашном ряду делать нечего.

— И правильно сделал, — помешивая ложкой кофе в чашке, сообщил Мишка.

— Почему?

— Да потому, — с видом Нострадамуса изрёк Каплин. — Ты что о нашей фирме думаешь?

— Фирма как фирма.

— «Рога и копыта», вот что такое наша фирма, — торжественно объявил Мишка. — Я подольше тебя здесь работаю и постепенно понял, что мы вроде прикрытием служим. Кто-то с нашей помощью деньги отмывает, а может, и от налогов уходит. Есть способы... Думаешь, Сан Саныч тут главный? Нет, есть кто-то повыше его, и я догадываюсь, кто именно. Сказать?

— Не надо, Миша, — попросил я. — Меньше знаешь — крепче спишь. Я тоже что-то вроде этого подозревал. Сделка, которую шеф зарубил, была пробным шаром. Судя по реакции Сан Саныча, ты прав на все сто. Сваливать надо отсюда, пока не поздно.

— Верно, — кивнул Мишка. — Вопрос — куда?

— А вот над этим агхиважнейшим вопгосом я и буду думать, — копирую картавость и интонации Владимира Ильича, толкающего знаменитую речь на броневичке, ответил я.

Мысли, заразы, в голову не лезли. Вернее лезли, но не те, что надо. Я вернулся к компьютеру, пощёлкал мышкой монстриков из игрушки, ставшей в офисе надёжным средством убивания времени, когда шеф занят, а тебе глубоко фиолетово, и принялся настраиваться на нужный лад.

Для начала подумаем о чём-нибудь грустном. Первая любовь... да ну её тудить-растудить в качель. Выставил себя дураком по полной программе, аж в краску бросило.

Вспомнил, как остался после службы в армии безработным, и невольно содрогнулся. Нет, надо что-то делать. И сразу мозг в нужном направлении заработал.

На столе, за которым обычно пили кофе, лежала кипа газет с бесплатными объявлениями в цветных рамочках. Посмотрим ситуацию на рынке труда. Итак, несмотря на мировой кризис и прочие гадости, городу требуются слесари-монтажники, каменщики и разнорабочие. Это не для меня. Трудиться в разного рода «шараш-монтажах» за копейки... Лучше удавиться на собственном галстуке или съесть его сразу по примеру президента одной малэнкой, но очэн гордой страны.

Как насчёт офисного планктона? ООО «Так-растак» ищет инженера-сметчика. Ну да, если я пойду на эту должность и начну составлять сметы, они лет двадцать потом будут долги кредиторам раздавать. Пожалеем и не обременим звонком.

«Таможня ищет...». За державу, конечно, обидно, но я прекрасно помню, чем закончил Верещагин. Ретивых служаек городские «басмачи» подорвут, если не на буксире, так за рулём авто точно. И себя жалко, и «Приору» мою тоже. Только-только кредит отдал.

Не подобрав ничего путного, решил обзвонить друзей. С кого бы начать? Пожалуй, с Лёшки. С его связями найти подходящую непыльную работёнку — раз плюнуть.

Мы знакомы ещё с садика, как говорится — сидели на одном горшке. После школы пути разошлись: я стал студентом иняза, а он ударился в коммерцию, да так удачно, что обзавёлся и трёхэтажным коттеджем, и «бомбой» последней модели, не считая кругленького счёта в банке и, самое главное, кучи полезных знакомств. Когда-то Лёха звал к себе в фирму, но я знал, что пойти к нему работать — всё равно что потерять друга, — и отказался.

Встречались мы регулярно. Оба подсели на фехтование и коротали вечера в спортивном клубе с изъезженным названием

«Три мушкетёра». Разумеется, у Лёшки сразу попёрла масть. Он стал мастером спорта, а я всё ещё ходил в кэмээсах. Не было поединка, в котором друг бы не сделал из меня такую полезную в хозяйстве вещь, как дуршлаг.

Не знаю, чем нас привлёк этот вид спорта. Возможно, в детстве начитались Дюма и насмотрелись по телевизору Боярского в роскошных мушкетёрских одеждах, крутившего лихой ус одной рукой, а второй протыкавшего шпагой очередного гвардейца кардинала.

Лёхин телефон ответил не сразу. Сначала пришлось прослушать приторную как патока мелодию вместо гудков, только потом я услышал голос приятеля:

— Привет, Игорь. Как дела?

— Как сажа бела, — отшутился я.

— Случилось что? — встревожился Лёха.

— Пока нет, но непременно случится. Только, Лёша, разговор не телефонный. Свидеться бы надо.

— Ты на работе?

— А где же ещё!

— Тогда, как освободишься, подъезжай ко мне.

— Домой?

— В офис. Я всё равно буду часов до девяти вечера здесь. На машине?

— Сегодня без колёс. На гарантийку поставил, завтра забираю.

— Хочешь, пришлю за тобой шофёра? — совершенно искренне предложил Лёха.

Я фыркнул:

— Смеёшься, что ли? Моего шефа кондратий хватит, как только увидит, что у его подчинённых транспорт с личным шофёром. Я лучше тачку вызову.

— Как знаешь. Я тебя жду.

— До скорого. — Я отключил мобильник, крутанулся в кресле и окинул тоскливым взором комнатушку.

А ведь тяжело будет уходить отсюда. Привык за два года, прикипел. И Мишку жалко до дури. Он мужик умный, но не пробивной. Таким в жизни трудно. Ладно, если устроюсь нормально, перетащу его к себе.

До конца рабочего дня оставалось меньше двух часов. Я провёл это время с пользой: рыскал в Интернете, «стучался» в аськи

знакомых, и не подозревал, что скоро жизнь моя круто переменится, да ещё самым невероятным образом.

Глава 2

Смотрел я когда-то в детстве смешное итальянское кино про бедолагу Фантоцци с Паоло Виладжио в главной роли. Помню первые кадры: заканчивается рабочий день в многоэтажной офисной башне, толпа народа несётся по ступенькам, опрокидывая зазевавшихся, из окон выбрасывают верёвки, канаты, по ним спускаются разгорячённые сотрудники, спешащие домой, а кое-кто из нетерпеливых прыгает на батут, стоящий на земле.

Я же вышагивал к выходу с грацией прирождённого монарха. Пять минут погоды не делают.

Заказанное по телефону такси — жёлтая замызганная «Волга» с шашечками — стояло у тротуара как раз на том месте, где обычно парковалась моя «Лада». Но сегодня я безлошадный, даже непривычно. Ничего не попишешь, личный автомобиль круто меняет характер человека. Без четырёх колес всё равно, что без рук. Давно ли я обзавёлся «Приорой» — пожалуй, и года нет, но ещё немного, и стану как Лёха. В прежние времена он не был таким большим и важным. От отца в наследство ему досталась старенькая «восьмёрка». Бывало жена отправляет Лёху за хлебом в магазин, который находится в сотне метров от подъезда направо. Лёха спускается, топает сто метров влево, берёт машину со стоянки, доезжает до магазина, покупает хлеб, возвращает «восьмёрку» на прежнее место и поднимается домой.

Шофёр деловито вытирал лобовое стекло тряпочкой.

— Простите, вы по заказу? — на всякий случай уточнил я перед тем, как открыть дверцу.

— Да, — подтвердил таксист. — А вы, значит, мой клиент?

Пришла моя очередь кивать.

— Садитесь, я скоро, — предупредил водителя. — Вот погода гадская!

Он закончил стирать размытые потёки на стекле и хлопнул своей дверью.

— Двигаем, — сказал я, размещаясь справа от водителя.

За что люблю «Волгу», так это за габариты, подходящие для крупных мужиков вроде меня. И внешность у газовского изделия, может, для кого неказистая, а на мой взгляд — чистой воды ретро-

классика. Жаль будет, если совсем с производства снимут, тогда в прошлое уйдёт целая эпоха, и не самая плохая, между прочим.

Таксист завёл двигатель.

У него было лицо типичного уроженца гор. Скуластый, нос с горбинкой, густые, похожие на гусениц брови и глаза острые, как кинжалы. Когда на Кавказе войнушка в полную силу разгорелась, много таких к нам, в среднюю полосу, переехало. Устали люди от постоянного напряжения, пальбы за окнами и бэтээров на улицах. Простой вопрос наклёвывается: стоило ли из-за этого большую страну разваливать, чтобы она кровью в уголках умылась?

— Куда везти? — спросил таксист, трогаясь с места.

Улица здесь односторонняя, при любом варианте придётся ехать полкилометра до светофора, а уж от него потом по сторонам, как по розе ветров, разъезжаться.

Я назвал адрес Лёшкиного офиса.

— Это на другом конце города будет. Далеко. Заплатите как через район, — предупредил «горец».

— Не обижу, — уверил я. — Зря к Советскому проспекту поворачиваете, в пробках до утра стоим.

— А мы дворами проедем. Не беспокойтесь, я город как свои пять пальцев знаю.

— Давно вы у нас?

— Года три, наверное. Сначала на стройке калымил, потом спину сорвал и в таксопарк ушёл, баранку крутить. Полегче стало: и работа нормальная, и клиент, бывает, щедрый попадает. Не всегда, конечно... — На лице таксиста мелькнула грустная улыбка. — Я ведь на себя и не трачу почти, так, по мелочи... Планы у меня на будущее. Как денег накоплю, куплю квартиру и семью перевезу.

— А что, большая семья?

— У нас маленьких-то и не бывает, — усмехнулся шофёр. — Не принято. Это вы, русские, одного родите и думаете, что подвиг совершили. Глупые, счастья своего не понимаете.

— А что, разве в детях счастье?

— А как иначе? — вопросом на вопрос ответил таксист. — Когда по тебе мал-мала меньше ползют, тогда только и понимаешь, что рай и на земле быть может.

— Понятно. У меня всё ещё впереди, холостой я, — хмыкнул я, бросив мимолётный взгляд в боковое окно.

Вдоль дороги по тротуару женщина катила красную коляску, навстречу им высокий мужчина вёз на шее довольного малыша. Как нарочно!

— Музыка не мешает? — спросил водитель, крутя ручку допотопного радиоприёмника.

— Нет, — признался я. — Только, пожалуйста, не слишком заунывную.

— Я и сам такую не люблю. Засну ещё за рулём ненароком. Но и молодёжную современную «тынц-тынц» тоже не очень. Её слушать разве что под большим кайфом можно. Знаю таких: таблеток наглотаются, колонки на всю мощность и по газам до первого поста ГАИ или до того, кому не повезёт на пути оказаться.

Разговор, завязавшийся сам собой, продолжился и перекинулся на текущую ситуацию.

— Вот скажите, вы же умный человек, — горячась, спрашивал таксист, — почему у нас в стране по ящику говорили, дескать, бензин в цене вырос, потому что нефть дорожала, евро скакал, а бакс падал? Сейчас всё с точностью наоборот, а бензин дешевле не становится. Скинули рупь и всё...

— Хороший вопрос, — хмыкнул я. — Самому интересно. Знаю только одно, если кому-то надо цену поднять, повод всегда найдётся: луна не в той фазе находится или у тёщи настроение плохое. А так экономика — дело тёмное. Взять, к примеру, последние события — двадцать миллионов американских негров набрали кредитов и не могут отдать, вроде бы какое нам дело до их бомжей, а гляди-ка, весь мир трясёт, как припадочного.

— А как думаете, что надо сделать, чтобы кризис поскорее закончился? — с надеждой спросил водитель.

Мы с Мишкой Каплиным не раз и не два тёрли между собой эту тему, так что вопрос меня врасплох не застал:

— Поддерживать не банки, а реальных производителей. Все деньги, что вложат в банковскую сферу, либо заморозят на счетах, либо выведут за границу. До наших фабрик и заводов в итоге ничего не дойдёт. Какие отрасли в настоящее время испытывают спад? Строительство, металлургия, автомобилестроение. Почему бы вместо того, чтобы опять надувать мыльный пузырь, не заняться системой госзаказов? Стране хорошие дороги нужны?

— А то, — усмехнулся таксист.

— Тогда зачем поить и кормить спекулянтов со всяких бирж? Делаем госзаказ миллиардов так на пятьдесят «зелени», включа-

ем в него мосты, дороги и прочее. Ещё на такую же сумму строим дома для бюджетников, вкладываем столько же в оборонку. Тогда начинает работать стройка, у неё возникают заказы — включается металлургия, машиностроители. Глядишь, и остальные отрасли подтянутся.

— Складно получается. Но ведь сами знаете — у нас вор на воре сидит и воров погоняет. С рубля половина на откаты уйдёт.

— Это верно, — согласился я. — Сволочей возле кормушки у нас предостаточно. Сколько ни сажай, только прибавляется. А всё почему? Потому что знают они — если адвокатам не удастся отмазать их от суда и следствия, то в лучшем случае припают им приговор года на два-три условно, а уж если посадят, так выпустят в скором времени за примерное поведение, ещё и камеру дадут со всеми удобствами — телевизором, холодильником, микроволновой плитой и баром. Безнаказанность — она только развращает. Пора, пожалуй, у нас снова смертную казнь вводить. Поймали тебя с ладошками, на которых спецкраской отпечаталось слово «взятка», скрутили ручки и ножки и, помолясь, на расстрел утречком.

— Так ведь это... — запнулся шофёр, — не боитесь, что снова тридцать седьмой год настанет?

— А чего я должен бояться? Нас этим тридцать седьмым годом как жупелом пугают, а собственно, что тогда было: одну обойму госчиновников пересажали и перестреляли, а другую на их место посадили. Только те товарищи, чьи задницы устроились в нагретых креслах, перед глазами имели наглядный пример — чего можно и чего ну никак не стоит делать, ни при каких обстоятельствах. Не удивлюсь, если именно по этой причине мы победу в Великой Отечественной зубами у немцев вырвали.

— А простые люди? Они что — не пострадали?

— Почему не пострадали? Ещё как пострадали! Только всё это происходило и задолго до тридцать седьмого года, да и после него тоже. Однако у нас почему-то размахивают именно этим злосчастливым годом, хотя проведи такого рода зачистку нашего госаппарата сегодня — вся страна бы в едином порыве рукоплексала.

— Пожалуй, что верно... — Таксист надавил на тормоз. — С вас сто двадцать рублей.

Машина плавно остановилась. Надо же, не заметил, как приехали.

Офис Лёха снимал знатный, в здании ещё сталинской постройки. Эх, умели же тогда на совесть строить — с колоннами, арками, лепниной. На века делали, чтобы потомки с гордостью взирали, дедами, отцами гордились. Посмотришь на эдакую красоту и монументальность: душа радуется, на возвышенное тянет. Не то что хрущобы и современная панельно-кирпичная серость, заполонившая городские улицы после смерти друга всех детей и физкультурников.

Если архитектура отражает дух эпохи, какое впечатление останется от наших, сляпанных из сэндвич-панелей торговых центров, ржавеющих палаток и унылых квадратиков жилых кварталов? Не будет ли стыдно за нас нашим детям?

Я расплатился с шофёром, поднялся по ступенькам крыльца, толкнул покрытую светло-коричневым лаком массивную деревянную дверь, похожую на те, что ставили на старых станциях питерского метрополитена, сделал шаг и...

Темнота, страшная боль, непонятное состояние, будто гигантский пылесос засасывает меня в прожорливое чрево. Замигали огни как на взлётно-посадочной полосе. Много огней, таких ярких, что глаза не выдерживали света. Я пытался зажмуриться, но ничего не получалось. Обжигающий свет огней словно проник в черепную коробку, взрывая изнутри. Постепенно их размеры увеличились, они превратились в сплошной шар, похожий на лаву, извергающуюся из разбуженного вулкана.

— Ты в порядке? Что с тобой?

Кто-то громко и испуганно говорил, но это точно не я. Так. Попытаемся разобраться, что приключилось. Солнечный удар? Голову напекло или недоброжелатель в подъезде попался? Ничто так не прочищает мозги, как бейсбольная бита. Не помню, где и когда прочитанная дурацкая шутка.

Я обнаружил, что лежу лицом книзу, на сырой земле, уткнувшись в прелые листья. Не понял... Что за бардак, почему в солидном здании валяется сгнивший мусор? Это я не про себя, про листья.

Гнать уборщиков, как их там нынче — менеджеров клининг-сервиса метлой поганой. А может, я на улице?

В пользу последнего говорило пение птичек над головой и весь в потрескавшейся коре ствол дерева, не скажу какого — у меня по биологии четвёрки разве что по праздникам были. Дуб

от берёзы отличу, ель от сосны тоже, а с остальной флорой путаюсь, причём сильно. Так, на чём остановился? Ага, на дереве, которое нахально торчит перед носом. Как говорил мой незабвенный преподаватель высшей математики, когда ему было лень «брать» интегралы, ибо этот «увлекательный» процесс мог занять полпары: «В результате элементарных преобразований, получаем...» После этих слов он смело писал на доске ответ.

Итак, в результате элементарных преобразований, получается, что я врезался в дерево. Железная логика. Только откуда оно взялось?

— Дитрих, как ты? — заудел голос над ухом.

Я что, не один здесь болезный, ещё и Дитрих какой-то имеется? Выходит, кроме меня тут ещё и иностранцы появились. Странно, Лёха вроде дел с забугорьем не вёл. Хватит задавать вопросы, пора получать ответы.

Сразу подняться на ноги не удалось, путь к человеку прямоходящему лежал через стандартные детские четвереньки. Кто-то подхватил за плечи, помог распрямиться.

Я увидел взволнованное лицо молодого парнишки, совсем ещё сопляка. Он смотрел на меня если не с ужасом, так с испугом точно.

— Дитрих, я думал, ты умер.

— Насчёт Дитриха не знаю, а я вроде живой, — сказал я и едва не умер на самом деле.

Мало того, что мы стояли в лесу, так ещё на нас двоих были клоунские прикиды: толстая непонятная хламида коричневого цвета с манжетами навыпуск, кожаные штаны вроде рокерских, заправленные в один из предметов женского гардероба — высокие сапоги-ботфорты со шпорами. Голову паренька украшала шляпа с перьями. Другая, очевидно, принадлежала мне. Она валялась неподалёку в ворохе листьев.

Если бы Лёха меня увидел — даже не знаю, за кого принял бы. За педика или пациента славного заведения имени Кащенко.

Неподалёку стояла осёдланная лошадь. Флегматично щипала травку, не обращая на нас ни малейшего внимания. Ну, хоть она, кажется, нормальная.

Ничего не понимаю. Предположим, я сплю, однако разве бывают сны такими детальными? Есть ещё вариант — действительно крыша поехала.